

*Автор предупреждает,
что все события и герои вымышлены.
Любое совпадение
с реальной жизнью — случайность.*

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

Как залетела моя мама — не знаю. Я не о технической стороне вопроса, тут все ясно, я о том, что рожать ей было никак нельзя (порок сердца) и как они с папенькой не уследили за этим шустрым сперматозоидом — неизвестно. Почему она не сделала аборт — тоже остается загадкой. Маменька была врачом. И папенька был врачом. И все их друзья были врачами. И друзья их друзей. Проблем бы не было.

Но вот — решили рискнуть.

Мало того — папенька, воспользовавшись безответностью беременной женщины, утащил ее из столиц в какую-то немыслимую глушь, где ему, папеньке, предложили место главврача и уездную больничку в виде кучи мусора.

Разные люди на протяжении всей папиной жизни задавали ему один и тот же вопрос: в своем ли он уме?

Вот и в этот раз не обошлось. Ну сами подумайте: вместо того чтобы давать взятки, искать хороший роддом, обольщать профессуру, он увозит больную жену к черту на рога, где из всех доступных медицинских услуг — только он сам. Но папа знал, что делал.

Он посадил маму в большой кирпичный дом на большую арабскую кровать, которую выиграл в карты (да, папенька был не просто долбанутым — он был долбанутым покерным), выписал из далеких краев мамину польскую родственницу, чтоб приглядывала, а сам принялся отстраивать больничку.

Через девять месяцев там было лучшее оборудование, которое только можно было найти, и лучший штат врачей — таких, знаете, молодых львов, которых папенька сманивал откуда только мог, обещая, что «будут деньги, будет работа, только славы не будет — будем сидеть тихо, как мыши, чтобы эти не лезли».

«Эти» — у папы так называлась советская власть, которую он сильно не любил. Воевать с «этими» не имел ни времени, ни желания, поэтому решил просто спрятаться подальше.

Итак, рождение героя. Ну что сказать? Роды были ужасными. Маменька чуть не отдала Богу душу, ребенка спасли чудом (слава молодым львам). Не знаю, почему ей не сделали кесарево, роды продолжались много часов, а результат мог быть и лучше. Я родилась слишком маленькой, синей и, что со мной ни делали, лет до пяти упорно ползла к могиле.

Но папенька был упертым, поэтому разработал целую методику по дальнейшему вычухиванию меня и маменьки. С мамой дело заладилась, а со мной вот пришлось повозиться.

Папенька баронствовал в невеликой украинской деревеньке, и тамошние места славились бабками-знахарками. Папа ездил, знакомился, проявлял уважение — и они таки делились опытом. Устоять было невозможно, его всегда бабы любили, всех возрастов. Очень высокий, за два метра ростом, черноглазый, веселый — ну как такому откажешь? Бабки спрашивали: «А чего ж ребенка не везешь?» А он отвечал: «Я сам, вы только научите».

Как видите, у него получилось. Я все еще здесь.

Но папенька не забывал и о деле. За два года его больничка поимела славу и в окрестностях, и в ближайшей столице. Потянулись люди. А он был не только «золотые руки» и «золотая голова», он был неплохим дельцом, мой папенька, и деньги зарабатывать любил и умел.

Денег надо было много: молодым львам, чтобы не разбежались; больнице, чтобы не развалилась; любимой жене, чтобы не скучала, и самому папеньке — на его маленькие слабости. Маленьких слабостей хватало: карты, книги, бабы, оружие, красивые вещи, охота. Собаки, да.

Я уже говорила? У моего папы было пятнадцать собак.

Будучи не только долбанутым картежником, но и долбанутым охотником, он держал три смычка гончих (это шесть голов, если вдруг кто не знает). Как кого звали — не помню и породу точно не назову. Мне кажется, что русские — рыженькие такие, с серыми жопками. Гончие — смешные собаки, сами разговорчивые и любят, чтобы с ними поговорили.

Папенька почти не спускал меня с рук, когда не был занят на работе (бабки насочетовали, мол, ты свою дохлость при себе держи, грей, тогда, может, и не помрет), поэтому кормить собак, натаскивать собак — это все было со мной.

Гончие жили в большом вольере, и папа заходил туда с двумя ведрами в одной руке и со мной — в другой. Меня он сажал на солому, а сам вываливал корм в корыто — собаки орали, толкались, даже пытались драться, было весело.

Папа никогда не пользовался арапником — только голосом. Был у него такой фокус, мне и самой потом пригодился.

Как-то раз собаки вырвались из вольера и устроили жуткую драку во дворе (помним, да, что было еще девять, кроме этих). Побоище было страшное — тут же куры еще да гуси, визг, рык.

Папенька (со мной на руках, как водится) вломился в эту кучу и заорал (а голос у него вполне росту соответствовал): «Сидеть!!!»

И сразу начался тихий такой сракопад — собачки загупали задницами об землю и умильно посмотрели на папу — что, мол, кричишь? Вот, мы уже сидим все.

Кстати, и вам советую, если вдруг собака неуправляемая, оставьте все эти «ко мне» и «фу». Собаки довольно быстро соображают, что к чему. А вот если хорошо натаскать хитрую тварь на «сидеть» — все, она у вас в лапах. «Будет сидеть. Я сказал». Только не торопитесь. Сначала добейтесь, чтобы эта команда выполнялась безукоризненно, а потом уж пускайте ее в ход.

Да, про гончих. После кормежки мы все шли гулять в ближайший прилесок — папе не хватало рук, поэтому меня он сажал в рюкзак, а псов вел на сворках.

«Собаке надо бегать», — говорил папа. А еще: «Суки лучше кобелей, они хладнокровные и управляемые». А еще: «Никогда не лезь к собаке, когда она ест».

Было два кобеля и четыре суки. Время от времени они рожали еще гончих, а так как все папины собаки (ну, почти все) были голубых кровей, то, распродав пару пометов, папенька отправлял маменьку в Болгарию — отдохнуть и развеяться.

Дальше. В доме жила пара вельштерьеров — редкие тогда собаки, — кобель и сука. Ну, вы понимаете. Когда они рожали новых вельштерьеров, папенька их продавал, и...

Из норных была еще фокстерьер Адочка — тихая такая сучка, любила в шкафу сидеть. Бывало, что и запирали ее там, и она весь день развлекалась, прогрызая ходы в куче ватных одеял. Шкаф откроешь — а там Адочка, вся в вате, как Снегурочка.

Был еще легаш, курцхаар Ангел. Головастый, забавный, очень умный. Вообще легавые — странные собаки. Вот вроде бы впечатлительные, внимательные к миру, умные, интеллигентные псы. Соображают как никто. А все же гопники — и морда в крови и перьях, и говно жрут, и чувство юмора — так себе. Я иногда думаю, что сама чем-то похожа на них — вот вроде две «вышки», и лицо такое обманчиво-интеллигентное, и умею быть оскорбительно-вежливой. А на самом деле люблю тяжелую работу, жареное мясо и поржать. А матом-то...

Я опять отвлеклась, а список кораблей всего-то до середины. Продолжим.

Итак, украшение дома и царица полей — пекинес Тиффани. Для своих просто Фани.

Папенька привез ее из Москвы, — разумеется, купил на выигрыш. Умудрился пронести щенка в самолет во внутреннем кармане пиджака. Лететь было недолго, меньше двух часов, собака большую часть времени спала, но иногда все же просыпалась и начинала скулить. Стюардессы удивленно оглядывались, а папенька, мой долбанутый красавец-папенька, делал им глазки и сам начинал прискуливать, «как песик от восторга перед вашей несравненной красотой, дорогая, мне, пожалуйста, коньяк». И что вы думаете? Сошло с рук, улыбались и давали. Коньяку.

Охраняли двор два местных волкодава-полукровки. Нигде и никогда я таких собак больше не видела — мосластые, гигантские, серо-бурые монстры. Спокойные — никакую живность не обижали; в семье сохранилась фотка: младенец-я стою между передними лапами одного из них, как в воротах. Рабочий прием был — всех впускать, никого не выпускать. До дальнейших распоряжений. За щенками прилетали даже из Сибири пару раз.

Папенька принципиально продавал щенков подальше, кстати, «чтобы кровь не портить». Исключение — щенки гончих для взятки местным «главарям партии». Они приезжали к нам раз в год, в сезон, с «проверкой». Папенька вел себя как мать Тереза — кормил, поил, развлекал охотой и даже ни разу никого не обыграл в карты и не отколотил.

Собака Рекс, восточно-европейская овчарка. Было ему лет восемь, и с папой их связывала сложная мужская дружба — кто-то кому-то там спасал неоднократно жизнь в драках с поножовщиной (да, и эту простую русскую забаву папа любил), их «много связывало», пес появился «до мамы», и отец его не бросил, повез с собой в новую жизнь. В деревню, в глушь, короче. Пес не признавал никого, кроме отца, даже на маму взрыкивал, и поэтому, когда родилась и запóлзала я, мама настояла, чтобы Рекса посадили на цепь. И Рекса посадили на цепь.

И вот когда мне исполнилось два года, я задумалась: что за ерунда, все собаки пасутся на воле, а этот чего на цепи? Непорядок.

Ага, и пошла отпускать собаку с цепи. Собака, надо сказать, ничего плохого мне не сделала — так, понюхала и облизала голову. И все бы у нас было хорошо, кабы не Зося, моя польская нянька. Зося, увидев, где дите, молча (чтобы не провоцировать пса) бросилась меня спасать. А я спряталась у Рекса в будке.

И тут начинается чистый Дюма-отец.

Папенька оказался недоступен — оперировал как раз. Дома была только мама — заболела потому что. И вот картина: мама, поднятая с постели страшным известием, бежит в ночной сорочке, босая и простоволосая, и волочет за собой немаленькую папину двустволку. Добежав до места, понимает, что этим зарядом можно уложить не только пса, но и меня, и будку разнес-

ти. Садится на землю и рыдает, красиво заламывая руки. Зося тащит из дома папин плащ, укутывает маму, садится рядом и прозаично плачет. Рекс рычит и не подпускает их ко мне.

Нет, я не была жестоким ребенком, я попыталась вылезти из будки и успокоить маму с Зосей. Но этот номер не прошел. Пес, рассудив, что не стоит выпускать дите к этим нервным женщинам, затолкал меня обратно, еще и задницей вход заложил для верности.

Так мы провели два часа, все устали, и собака тоже. Поскольку женщины больше не делали попыток отнять меня, Рекс залез в будку, где мы с ним и проспали мирно до папенькиного прихода.

Папенька, пришедши, был в шоке. Маму он любил, волноваться ей было нельзя, так что надо было срочно кого-то убить. Но кого? Собаку? За что? Меня? Так надо было объяснить ребенку, почему ко всем собачкам можно подходить, а к этой — ни-ни. Разве что Зосю, поскольку недоглядела. Но уж на женщин папа никогда руки не поднимал. Да и сидели мама с Зосей в одинаковых соплях по колено, куда уж тут бушевать...

Папа достал меня из будки, а я, хоть и сонная, помнила про ружье, поэтому сразу заканючила: «Папа, ты же не убьешь собачку? Она не виновата, я сама к ней полезла, папа, не убивай собачку, пожалуйста...»

А папа сказал, что никто никого убивать не будет и что за глупости.

Мало того, Рекса, как прошедшего тест на безобидность, отпустили с цепи.

Ну и последний — дворовый песик Мишенька. Местные дети сломали ему в щенстве лапы и бросили в пруд. Папенька его из пруда вынул, детям вломил, собаку вылечил. Мишенька все равно остался колченогим, но был игручим и добрым, «моя» собака, детская забава, таскался за мной хвостиком.

Умер он, когда мне было три года. Не знаю отчего — заболел и умер. От меня почему-то это дело скрыли. Почему? Загадка. Я была деревенской девочкой и знала, что детей делают, а не находят в капусте, а про смерть — что она бывает и как выглядит...

Мне наврали, что собачка потерялась. Я плакала, тормошила взрослых, просила идти искать Мишеньку, но взрослые реагировали вяло. Они-то знали, что Мишенька надежно зарыт под яблоней, чего ж его искать.

Но я-то была «в папу», упертой. Сбежала со двора и отправилась искать Мишеньку по окрестным дорогам. Проблуждав не один час, умаявшись и обревевшись, я встретила странного пса — по виду помесь овчарки и лисицы. Не знаю уж, что на меня такое нашло, но я, рыдая, бросилась собаке на шею со словами: «Мишенька! Это ты, Мишенька? Ты вырос? Мишенька, пойдём домой, там все тебя обыскались...»

Фигня в том, что собаки даже не были похожи. «Мой» Мишенька был небольшеньким гладкошерстным рыжим песиком, а «этот» Мишенька — ну я уже сказала. Вот представьте себе овчарку, только рыжую и очень лохматую. Хрен его знает, ключевое слово — «рыжий», что ли?

Новый Мишенька охотно согласился со мной идти, а я даже не заблудилась и нашла дорогу домой.

Дома был армагеддон. Меня искали везде — в лесу, на речке, по погребам. А тут я сама прихожу, да еще с новым Мишенькой.

Влетело, конечно, но не так чтобы... Зато стали выпускать «на улицу» — ну со двора.

Мишенька оказался спокойным как валенок и таким же умным. Научился всем собачьим трюкам, умел прикидываться дохлым по команде и даже «служить» — что было непросто в исполнении. Мне серьезно не хватало роста, поэтому рабочий процесс выглядел так: я цепляла прыныканную загодя котлету на длинную палку и водила этим делом у пса высоко над головой, а Мишенька, с трудом поднимая свою тушу, становился-таки на задние лапы, помавая передними в воздухе. Как цирковая лошадь.

А спустя года три меня из-за Мишеньки выгнали из детского сада — и никакой папин авторитет не помог.

Мишенька таскался за мной неотступно, и, пока я находилась в заключении, он спал в клумбе под окнами.

А у меня была одна беда — я очень плохо ела. Настолько плохо, что набить меня пищей могли только папа или Зося ценной нечеловеческих усилий.

Воспиталки в детском саду натурально меня воспитывали. Поэтому, когда все дети уже спали в тихий час, я все еще сидела над тарелкой этого дурацкого борща или этой сволочной манной каши.

Переупрямить меня было сложно, воспиталкам надоедало, и они шли мучить других детей.

Тогда я открывала окно и звала Мишеньку. Пес запрыгивал с улицы и пожирал все — и борщ, и котлету, и кашу, и даже кисель.

Правда, назад на клумбу он ни фи́га не хотел, так что приходилось его обманывать. Я указывала на подоконник и говорила: «Барьер!» И Мишенька, простая душа, прыгал. А я закрывала окно.

Этот праздник продолжался недели две — воспиталки радовались, что все-таки меня сделали, только жаловались отцу, что ребенок неаккуратно ест.

Ну спалились мы, конечно. Заведующая вошла как раз, когда Мишенька вылизывал кисель из стакана.

Может, и обошлось бы, если бы она просто разоралась, но она схватила меня за руку и дала подзатыльник. Мишенька ее и прикусил, не стерпел.

Скандал был дикий. Папенька извинялся, давал взятки, но из сада меня погнали безвозвратно.

Вот поэтому, дорогие мои, собак я не боюсь. Совсем. Даже не понимаю, как это — бояться собак. Когда я была маленькой и мне говорили: «Осторожно, это чужая собака, кусается», я удивленно отвечала: «Дура она, что ли? Чего ей кусаться?»

Но я и не нагличала с собаками никогда — если уж зверь никак не хотел дружить, то я и не лезла. А если появлялась необходимость чего-то от него добиться — добивалась без хамства, со всем уважением, только лестью, обманом и угрозами.

И это все о собаках, а про детство — дальше.

Я много болела в детстве, действительно много и с размахом — пневмонии, ангины, температура под сорокет, а еще аллергия на цветочную пыльцу и парфюмерию. Если моя бедная мама имела неосторожность надушить себе запястья или укладывала в ванной волосы при помощи лака, то я в детской начинала отчаянно вопить. Запах был нестерпимым — как будто меня били в лобешник поварешкой.

Взрослые, к сожалению, оказались не особо умными и не могли связать два этих факта: мамины духи — мои вопли.

Я заговорила в одиннадцать месяцев — они меня вынудили, вы понимаете. Надо же было объяснить этим тупицам про духи и про манную кашу, да много чего еще.

С серьезными болезнями дело обстояло похуже — тут разговоры не помогали. Особенно паршивым было то, что даже при самой высокой температуре забытье не касалось моего лба своим милосердным крылом (а? Каково! Сестры Бронте передают привет Дюма-отцу). Я почти всегда была в сознании; ну так только, по мелочи — стены кружились, потолок падал мне на грудь и дышать становилось совершенно невозможно... В общем, чувствовала я себя, как жук, которого злой мальчишка посадил в коробочку и трясет. Не лучшие дни в моей жизни.

Ясное дело, как только мне становилось полегче, я стремилась покинуть помещение.

Пару раз крепко навернувшись с кровати, я разработала методу безопасного спуска — сперва сбрасывала вниз все подушки и одеяло, а потом кулем валилась сама.

Ходить я не могла (была слишком слаба, да и голова кружилась), но со страшной скоростью на четвереньках устремлялась к двери на улицу — там Зося и ловила меня. Тогда я принималась жалобно упрашивать ее: «Милая Зосенька! Отпусти меня! Я так хочу на солнышко!»

Зося глотала слезы, но выпустить меня боялась и как-то нажаловалась отцу. Папенька почесал репу и сказал:

— А не трогай ее, Зофия, посмотрим, куда поползет.

— Да как же! — испугалась Зося. — Она ведь снова заболает!

— Заболеет — вылечим, — бесстрастно отвечал папенька. — Выпускай.

И точно, никуда я не делась — выползла на середину двора и уселась на дорожке, вымощенной бетонными плитами. Там и сидела — как ящерица на разогретом камне.

Папенька снова почесал репу, потом принес с чердака старую дверь, набросал на нее соломы и в это гнездо усадил меня с книжкой, а Зосе велел забрать меня часа в четыре — до того, как подкрадется вечер с этой его росой и прохладой.

Я сидела на соломе, как королева в изгнании, и читала вслух гусям и собакам, которые любили устроиться рядом.

Да, читать я научилась довольно рано — и вы бы научились чему угодно, если бы по четыре недели подряд вынуждены были проводить в постели.

На второй день рождения папенька подарил мне кубики-азбуку (ну знаете, такие, с буквами на бочках), а к пяти годам я уже перечитала почти все, что было в доме, включая большую медицинскую энциклопедию в шестнадцати томах (просто она стояла на самой нижней полке, ну и с картинками). И когда какой-нибудь неосторожный гость (а у нас частенько бывали гости) хватал меня и начинал сюсюкать: «Ах, какая хорошая девочка! А ты расскажешь мне стишок?» — я обычно отвечала: «А давайте я вам лучше о твердом шанкре расскажу. Это так интересно! Вот погодите...» — и бежала в библиотеку, и волокла оттуда тяжелый том, и раскрывала у гостя на коленях, и входила в подробности, ага.

Гость бледнел и морщился, а если сам был врачом, то ржал. Но в любом случае оставлял меня в покое.

Я не очень-то любила гостей — да, духи, одеколон и все такое. Из всех это прощалось только специальным папиным (раз в полгода к нему приезжали покерные — играть). Но как раз эти-то меня не тискали, а вовсе наоборот.

В папином кабинете раскладывали карточный стол, гости рассаживались, я терлась поблизости, и обязательно находился один засранец, который говорил:

— Генрих... — У папы было королевское имя, однако в сочетании с отчеством — Васильевич — это звучало отнюдь не величественно. — Генрих, убери-ка своего вундеркинда от стола.

— Ей четыре года, — смеялся отец.

— Да? А не с ней ли мы сегодня беседовали о созвездии Ориона? Ну-ка, деточка, какие самые яркие?

— Беллатрикс, Ригель и Бетельгейзе, — хмуро отвечала я.

— Отличная память, — насмешливо хвалил гость и выжидающе смотрел на папу.

— Ты невежлив с дамой, — холодно говорил отец и ставил для меня стул позади своего.

Но я знала, что это отвлекает папу, поэтому, во-первых, стала меньше трепаться, а во-вторых, перед игрой шхерилась на книжной стремянке у стеллажей — оттуда все было прекрасно видно.

Мне очень нравилось за ними наблюдать, очень. Они были такими прекрасными, такими спокойными, холодными и точными — как папины кинжалы, висевшие над диваном. И, несмотря на эти спокойствие и холодность, где-то на втором часу игры воздух в комнате сгущался, начинал дрожать, как от зноя, и меня охватывала странная свирепая радость. Мне так хотелось к ним!

Папа пробовал учить меня игре, но мама, увидев, ударилась в слезы и запретила ему, а с меня взяла обещание никогда и ни при каких обстоятельствах не брать в руки карт.

— Но почему? — возмущалась я.

— Хватит в доме одного игрока, — твердо отвечала мама.

Так что я могла только смотреть и сплетничать с папой после игры (в день игры он не укладывал меня спать, они засиживались до утра, а я сливалась часов в десять, во время перерыва, — чтобы Зося не пришла меня искать).

Гости уезжали следующим днем, обычно до полудня, а мы с папой забирались на голубятню — «отдохнуть от отдыха», как он говорил.

Папа подбрасывал голубей в небо, свистел, размахивал курткой. А потом мы сидели на теплой крыше и болтали, наблюдая за птицами.

— Папа, правда, они похожи на рыцарей Круглого стола? — спрашивала я.

— Кто? Голуби? — удивлялся отец.

— Нет же! Те твои друзья, что уехали...

— Не думаю... Нет, пожалуй, нет, — задумчиво говорил папа.

— Почему — нет? Ведь покер — это как поединок, разве нет?

— Ну, понимаешь... Азартные игры — это не очень хорошо. Но я-то видела, что это — очень хорошо, и рассерженно требовала:

— Папа! Не обманывай меня!

— Ну ладно-ладно. — Голуби начинали опускаться, поэтому папа еще немножко свистел и прыгал, а потом садился рядом со мной и рассказывал: — Ты права. Покер — это такая битва для цивилизованных мужчин. Чтобы можно было друга победить... но не калечить. — Тут он улыбался. — И вообще, игры и любовь — это все, что осталось нам, бедным искателям приключений. Такие дела, дружище. — Папа трепал меня по волосам.

— Почему — все? А путешествия? А Тур Хейердал?

— И это игра. Ведь ему не нужно было на самом деле плыть на плоту, понимаешь? Необходимости не было. Полно всяких самолетов и пароходов. Да и в самом путешествии не было необходимости, по существу. Ничто не толкало его в путь — ни голод, ни угроза жизни, ничего такого. Просто игра, приключение, ставка — жизнь, выигрыш — знания. Понимаешь, о чем я говорю, дружище?

— Да... — Я неуверенно кивала. — А любовь тогда почему приключение? Потому что приключается? Вот я... я же тебя люблю? Разве это игра?

— Я тоже тебя люблю, маленькая, — папа целовал меня в нос, — просто любовь бывает разная. Как тебе объяснить...

— А! Я поняла! Это как в книжках, да? Как Ла Моль и Маргарита? Да?

— Да. — Папа смотрел на меня с сомнением. — Ты слишком много читаешь, дружище. Понимаешь хоть что-нибудь из того, что прочла?

— Конечно, да, — обиженно отвечала я, — что же я, дуручка?

— Тогда расскажи, что ты поняла про Ла Моля. — Папа смотрел на меня лукаво.

— Ну... Он был очень смелым, но не очень вежливым, — бойко отвечала я, — и поэтому погиб. Вот если бы он тогда подал руку палачу, тот бы пощадил его, как пощадил Коконнаса. Это значит, что надо быть вежливым и любезным... со всеми людьми, а не только с теми, кто тебе по душе... так, на всякий случай... Вот что я поняла из этой книги, папа.

Папа так хохотал, что опустившиеся было голуби снова взмывали ввысь, запыленно хлопая крыльями.

Отсмеявшись, он хвалил меня:

— Ты молодец. Прости, что сомневался, ты все очень хорошо понимаешь, я рад.

— Так это ты от радости смеялся? — подозрительно спрашивала я, а папа с серьезным видом кивал.

Потом мы кормили голубей и чистили клетки.

Птицы лезли отцу в руки как глупые толстые дети, садились на голову и на плечи. У него был дар — внушать доверие и животным, и людям. Он любил и понимал все живое, и казалось, Бог создал его, чтобы приводить мир в порядок — чинить, лечить, собирать по кускам человеков, зверей и птиц, налаживать то, что плохо работает.

Когда мои родители приехали в деревню, папа не имел никакого представления о «сельском хозяйстве». Спустя полгода у него был лучший скотный двор в округе. Куры, гуси, свиньи, собаки, голуби — все у него процветало и размножалось как завезенные (и он зарабатывал на этом, деньги его тоже любили).

Он отстроил заново больницу, привел в порядок больничную конюшню, подарил местной библиотеке треть своих книг, устраивал детские праздники, добывал для местного клуба новые фильмы и заманивал туда столичные труппы, мимоходом подбирал больных ворон и собак с перебитыми лапами, успевал воспитывать меня, любить маму (и, увы, изменять ей), играть в свой покер и на рояле («Не для музыки — для пальцев» — так он говорил), писать статьи и шляться по всяким конференциям и симпозиумам. Жизнь плясала вокруг него веселым смерчем, затягивая в свой танец всех, кто оказывался поблизости.